

Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности

Н. В. Веселкова, М. Н. Вандышев,
Е. В. Прямикова

Статья поступила
в редакцию
в феврале 2021 г.

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет. Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: vesselkova@yandex.ru (контактное лицо для переписки)

Вандышев Михаил Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет. Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: m.n.vandyshv@urfu.ru

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет. Адрес: 620017, Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26. E-mail: pryamikova@yandex.ru

Аннотация

Задача статьи — проследить взаимосвязь образования, производства и мобильности молодежи в пространстве моногорода. Эмпирической основой исследования является информация, собранная в ходе социологического исследования в четырех моногородских поселениях Уральского региона: Краснотурьинске, Первоуральске, Ревде (Свердловская область) и Далматове (Курганская область).

Показано, что образование может работать «против» территории, поскольку культурный и символический капиталы, полученные молодыми людьми в стенах школы, а иногда и колледжа, позволяют им мигрировать за пределы родного поселения и учиться в более крупных городах. Таким образом, чем более качественное образование получают молодые люди, тем больше шансов, что они уедут из моногорода. В то же время наличие в городе образовательных учреждений обеспечивает жителям перспективы как личного развития, так и совершенствования городского пространства. Выходом из такого, казалось бы, неразрешимого противоречия может стать политика привлечения жителей, что возможно при наличии развернутого рынка труда, благоприятных условий социальной инфраструктуры. Планирование взаимодействия бизнеса, образования и городской власти должно быть частью стратегии развития города, а не только результатом решений тех или иных министерств.

Рассмотрен вариант культурно-жизненного сценария на примере одной из информанток, у которой полученное образование усилило желание остаться жить в небольшом городе.

Ключевые слова

мобильность, профессиональное образование, моногород, целевое обучение, дуальное образование, модельная биография, культурно-жизненный сценарий.

Для цитирования Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. (2021) Профессиональное образование в моногородах: производство мобильности // Вопросы образования / *Educational Studies Moscow*. № 3. С. 8–32. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-8-32>

Technical and Vocational Education and Training in Monotowns: Production of Mobility

N. V. Veselkova, M. N. Vandyshev, E. V. Pryamikova

Natalya Veselkova, Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University. Address: 19 Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: vesselkova@yandex.ru (corresponding author)

Mikhail Vandyshev, Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University. Address: 19 Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: m.n.vandyshev@urfu.ru

Elena Pryamikova, Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University. Address: 26 Kosmonavtov Ave, 620017 Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: pryamikova@yandex.ru

Abstract This article looks into the relationship between education, industry and youth mobility in monotown settings. Information collected during a sociological survey in four Ural monotowns—Krasnoturyinsk, Pervouralsk, Revda (Sverdlovsk Oblast) and Dalmatovo (Kurgan Oblast)—was used as empirical data for the study. Education can sometimes work “against” the community, as cultural and symbolic capital that young people acquire at secondary or sometimes vocational schools allows them to migrate from their hometowns to larger cities for education purposes. Therefore, better-educated youths are more likely to leave monotowns. At the same time, availability of educational institutions in a monotown provides its citizens with opportunities for personal growth as well as improvement of urban environment. A way out of this seemingly insoluble dilemma could be the policy of civic engagement, which can be implemented provided there are diverse labor market opportunities and a conducive social infrastructure. Planning the cooperation among businesses, education and municipal authorities should be part of the town development strategy, not only the result of decisions handed down by some ministries.

The article also offers an example of a cultural life script: a life story of a respondent whose desire to stay in a small town was only increased by the education she obtained.

Keywords cultural life script, dual education, employed-sponsored scholarships, mobility, model life story, monotown, technical and vocational education and training (TVET).

For citing Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V. (2021) Professional'noe obrazovanie v monogorodakh: proizvodstvo mobil'nosti [Technical and Vocational Education and Training in Monotowns: Production of Mobility]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 8–32. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-8-32>

Практически все авторы классических работ по социальной мобильности, начиная с Питирима Сорокина [Sorokin, 1959], утверждают, что образование является каналом вертикальной мобильности. Не менее важна способность образования генерировать и географическую мобильность. Этой способностью обладают не только прославленные университеты в мегаполисах, но и колледжи и техникумы в совсем небольших городах. В моногороде тягу молодых людей к перемене мест может усиливать специфика градообразующего производства, и порождаемая ею мобильность зачастую бывает исходящей: молодых людей не устраивает основная сфера приложения рабочей силы в моногороде — либо в силу объема благ, на которые они могут обменять свои трудовые усилия, либо в силу полученного образования и развития тех качеств и компетенций, на которые оно было направлено. Задача статьи — проследить взаимосвязь образования, градообразующего предприятия и мобильности молодежи в пространстве моногорода. Взаимодействие этих элементов определяет направление и интенсивность потоков мобильности. Устойчивая, эффективная связка профессионального образования и возможностей реализации полученных знаний и навыков на градообразующем предприятии способна стать средством привлечения и закрепления рабочей силы.

Теоретико-методологической основой исследования являются новая парадигма мобильностей Д. Урри (сегодня уже не слишком новая, но мы пользуемся сложившейся терминологией) и анализ институционального взаимодействия производства и образования [Урри, 2012]. Мы опираемся на положения нового институционализма о формировании норм и правил в результате действий различных акторов [Флигстин, 2001] в приложении к условиям моногородского пространства. Нас интересует, каким образом устроено взаимодействие между институтами рынка труда и образования.

1. Источник эмпирических данных

Эмпирическую основу исследования составила социологическая информация, собранная в 2018–2019 гг. в четырех моногородах Уральского региона: Краснотурьинске, Первоуральске, Ревде (Свердловская область) и Далматове (Курганская область). В каждом городе организованы интервью (*go along* и стационарные) с местными жителями, представителями администрации и другими экспертами. Всего проведено 112 интервью: 52 в Краснотурьинске, 19 в Первоуральске, 21 в Ревде и 20 в Далматове.

В каждом городе также состоялись групповые дискуссии со школьниками 9-х и 11-х классов и студентами колледжей. Всего в 30 дискуссиях участвовали 529 человек: 113 в Перво-

уральске, 200 в Краснотурьинске (из них 113 человек в 2018 г. и 87 в 2019 г.), 113 в Ревде и 103 в Далматове. В ходе групповых дискуссий применялись визуальные техники: рисование ментальных карт, «линий жизни», составление маршрутов передвижения и транспортных таблиц. В ходе дискуссий велась аудио- и видеосъемка с разрешения участников дискуссий и их законных представителей.

Постановлением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р определен (а затем неоднократно пересматривался) список моногородских поселений РФ, изначально включавший 319 позиций. Моногорода поделены на три категории в зависимости от степени риска ухудшения социально-экономического положения. В первую категорию исходной численностью 94 поселения вошли города с «наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций)». На территории Свердловской области к этой категории относятся Первоуральск и Краснотурьинск, объекты нашего исследования. Вторую, наиболее многочисленную, категорию моногородов составили 153 поселения, «в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения». В нашей выборке их представляет Далматово Курганской области. К третьей категории — «со стабильной социально-экономической ситуацией» — относится 71 город, в нашем исследовании это Ревда. Таким образом, в выборку вошли представители трех типов моногородов.

Безусловно, каждый город уникален в социально-экономическом, культурном и историческом отношении.

В Краснотурьинске с 2008 по 2013 г. сокращалось алюминиевое производство, численность работников завода уменьшилась с 12 тыс. до 2 тыс. человек. Сокращение сопровождалось акциями протеста. Для решения проблем занятости и создания точек экономического роста в городе организован один из первых в регионе индустриальных парков, а затем на его базе открыта территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), однако все эти усилия пока не привели к существенному росту числа рабочих мест.

В Первоуральске таких драматичных событий не происходило, однако численность населения стабильно уменьшается. В городе открылся инновационный культурный центр «Шайба», приведена в порядок набережная, активизировалось жилищное строительство. Первоуральск входит в агломерацию Екатеринбургa.

Численность населения Далматова небольшая, и она стабильно сокращается. Поселение имеет богатое культурное наследие. Далматовский мужской монастырь, который сегодня

Численность населения и удаленность от областного центра изучаемых городов

	Численность населения, человек		Удаленность от областного центра, км
	2010 г.	2020 г.	
Далматово	13 911	12 248	200 (от Кургана)
Красноурьинск	59 633	56 290	425 (от Екатеринбурга)
Первоуральск	124 528	120 778	45 (от Екатеринбурга)
Ревда	61 875	61 533	47 (от Екатеринбурга)

Источник: Росстат.

активно восстанавливается, уже стал точкой притяжения для паломников и туристов. Монастырь — первый резидент территории опережающего социально-экономического развития.

Ревда находится всего в 47 км от областного центра, города Екатеринбурга. Она входит в орбиту развивающейся агломерации «Большой Екатеринбург», равно как и Первоуральск. Оба города теряют жителей в последние годы, но эта тенденция неустойчива. В Ревде, которая находится в 12 км от Первоуральска, стабильно работают градообразующие предприятия.

Динамика численности населения моногородов и их удаленность от областного центра указаны в таблице.

2. Рынок труда в моногороде

Рынок труда в моногороде имеет специфические черты. С одной стороны, он ограничен в предложении рабочих мест, но с другой — гарантирует некоторую стабильность и надежность выбора: именно в моногородах до сих пор существует предопределенность карьеры и линии жизни, так или иначе связывающей конкретных индивидов с градообразующим предприятием [Вандышев, Веселкова, Прямякова, 2019].

Представители образовательных учреждений и градообразующих предприятий объединяются с целью реализации общих или пересекающихся целей. Для колледжей и техникумов важно получить поддержку от предприятий, помощь в организации практик, для предприятий — обеспечить приток новых квалифицированных кадров. Сложившиеся в советское время модели взаимодействия эволюционируют, появляются совершенно новые, такие как дуальное образование.

Старые схемы взаимодействия воспроизводят «советский» тип взаимоотношений завода и населения, построенный на обмене лояльностью: «мы заботимся о вас, а вы оставайтесь пре-

данными нам». Эти модели поддерживаются и развиваются. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранение трудовых династий, стабильное финансирование благоустройства и развития городской территории.

Ключевым условием благополучия моногородов остается сохранность рынка рабочей силы необходимой квалификации, а согласно имеющимся данным, выбытие молодых людей из монопоселений идет опережающими темпами, лишая тем самым города и градообразующие предприятия внятного будущего. Мобильность в современном обществе работает против них: несмотря на объединенные усилия агентов моногорода, молодежь устремляется за его пределы, руководствуясь базовым принципом «больше город — больше возможностей». Будет справедливым отметить, что и востребованность выпускников колледжей на рынке труда оставляет желать лучшего [Дудырев, Романова, Травкин, 2019].

3. Производство рабочей силы: учреждения профессионального образования в моногороде

Учреждения профессионального образования повышают капитализацию территории, привлекая в город молодых людей из более мелких окрестных поселений. Небольшой город никогда не сравняется по ресурсам и возможностям, например по уровню зарплаты или разнообразию рынка труда, с крупными городами. Но у него есть свои преимущества: особые социальные сети, доступность территории, отсутствие пробок, близость природы и т. п. Характеристики системы образования, в том числе и профессионального, также становятся для молодых людей одной из причин важного решения — остаться или уехать.

Деятельность образовательных учреждений — от школы до вуза — в условиях небольшого промышленного моногорода оказывается существенным фактором жизни поселения в целом. За последнее десятилетие появился ряд работ, раскрывающих эту тему на примере Свердловской области или Урала в целом. Авторы показывают, что негативные процессы в образовательной среде особенно болезненно отзываются в жизни таких поселений. Если в начале 2010-х специалисты сетовали на избыток филиалов вузов и колледжей в малых моногородах, в частности в Краснотурьинске [Гермайдзе, Обшивалкина, 2013], то сегодня с горечью констатируют плоды сокращения количества вузов и их филиальной сети (по Уральскому макрорегиону см.: [Зборовский, Амбарова, 2018]). Особой роли вузов в моногородах Свердловской области посвящено недавнее исследование социологов ВШЭ [Романенко и др., 2018]¹.

---

¹ <https://theoryandpractice.ru/posts/17240-predpriyatie-vse-reshaet-kak-us>

Образовательные организации могли бы стать основой трансформации городского пространства, педагогические кадры с их креативным потенциалом могут выступать агентами, работающими на интересы территории. Чаще других анализируются возможности университетов по повышению привлекательности городов и избавлению их от пресловутой «моно-сти» [Балюшина, 2020; Стась, 2018; Пунина, Ромашова, 2015]. Вуз по отношению к городу выполняет три функции: градообразующую, градоразвивающую и градосохраняющую [Зборовский, Амбарова, 2018]. В ситуации, когда подобно шагреневой коже съеживаются и провинциальные города, и пространство высшего образования, ведущей становится градосохраняющая [Там же. С. 917].

Большинство публикаций, посвященных образованию в моногородах, сосредоточено на деятельности вузов, хотя наиболее актуальным, по крайней мере для моногородов, мы считаем исследование колледжей. Но обладают ли учреждения среднего профессионального образования (СПО) теми же возможностями, что и вузы?

Судя по результатам проведенных групповых дискуссий, колледжи и техникумы в исследуемых городах с точки зрения мобильности выступают как транзитные перевалочные пункты (там обучаются подростки, которые по тем или иным причинам отсрочили свою исходящую мобильность) и как центры притяжения для жителей более мелких городов, поселков городского типа, сел и деревень. Эти учебные заведения не могут однозначно гарантировать получение работы на градообразующем предприятии, но позволяют своим выпускникам двигаться дальше, т. е. становятся проводниками мобильности, а не якорями, удерживающими молодежь.

Мы забираем, опять, из сел в округе. Они переезжают <...> а потом кто-то остается здесь, в городе, а кто-то едет в более крупный город (ДМЗ7)².

В условиях общей депопуляции, особенно заметной в небольших городах, производимый образованием потенциал мобильности, как может показаться, порождает патовую ситуацию. Действительно, хорошие школьное и дополнительное образование — а им изучаемые поселения заслуженно гордятся

---

troeno-obrazovanie-v-monogorodakh; <https://www.youtube.com/watch?v=MNNT2O-HV9I>

² Здесь и далее используется система обозначений: город — Кр (Красноурьинск), Р (Ревда), П (Первоуральск), Д (Далматово); пол — мужской (М) или женский (Ж) и возраст информанта.

ся — создают предпосылки для дальнейшей образовательной карьеры; не имея достаточных возможностей в своем городе, молодые люди включаются в потоки исходящей образовательной миграции, которую исследователи характеризуют как невозвратную и некомпенсируемую [Санникова, 2015; Захарова и др., 2020].

Если во времена Пушкина «охоту к перемене мест» понимали как «весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест», то сегодня признают ее всеобщий, хотя и преходящий характер. Со времен Пушкина, однако, произошли еще и не такие изменения: современность стала текучей, общества — привычными к риску, а мобильность претендует на роль базовой категории социальной науки в изучении не только молодежи, но и общества в целом. «Взрослые» эксперты как будто уже научились говорить об «оттоке молодежи» без алармизма, взяв этаким философский тон:

Это сейчас [мы] становимся патриотами и хотим жить в своем городе, а в 16–17 лет мы ж за звездами хотим поехать, за миллионами (КрМ50).

Мы считаем, что дело не только в поколенческих особенностях, но и в самой системе взаимодействия образования и производства. В моногородах сложился устойчивый интергенерационный дискурс исходящей и невозвратной мобильности. Старшие поколения, пережившие 1990-е годы, имеющие опыт закрытия или сокращения деятельности градообразующего предприятия, остро воспринимают опасную неопределенность текущей ситуации. И они поддерживают своих детей в их решении перебираться в более перспективные места:

Все дети уехали, и я их полностью в этом поддерживала (КрЖ60).

При этом даже если предприятие работает и город вполне благополучен, а такое мы наблюдали в Качканаре [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2016], жители рассуждают о том, насколько комбинат обеспечен рудой, и оценивают время до неизбежного окончания периода процветания.

Рынок труда моногорода структурно ограничен. Небольшое количество привлекательных рабочих мест, дефицит возможностей карьерного роста, по мнению наших информантов, неизбежно порождают «нездоровую» конкуренцию, которая не связана с личными достоинствами того или иного претендента, а обусловлена действиями совсем других обстоятельств:

У нас <...> достаточно возрастные люди везде, на всех руководящих и прочих местах, происходит старение населения. Потому что молодому некуда деваться, он уехал <...> а эти-то вроде как хорошо тут все сидят, но [пауза] они никуда и не поедут <...> Нужно открывать новые места, чтобы оставалась молодежь (ДМ37).

Большинство моих друзей и знакомых все-таки уехали из города. <...> Город маленький, мест, скажем так, высокооплачиваемых и с карьерным ростом связанных — их очень мало, и очень трудно туда попасть, потому что все стараются как-то своих знакомых протолкнуть. Ну, практически нет вариантов трудоустройства (КрЖ25).

В советский период существовала целая система подготовки кадров для предприятий, которая контролировала и процесс мобильности. ПТУ обеспечивали потребность заводов в рабочих, техникумы готовили кадры более высокой квалификации, в том числе мастеров и даже инженеров. Высокий конкурс в вузах ограничивал доступ к системе высшего образования. Тем самым жизненные стратегии, по крайней мере в том, что касалось получения образования и работы, протраивались в соответствии с государственными интересами.

Предприятия использовались как места для проведения практики, сотрудники предприятий активно привлекались в техникумы и ПТУ для обучения студентов. Был выстроен практически единый институциональный комплекс, обеспечивающий производственный процесс кадрами, имеющими необходимую профессиональную подготовку, с одной стороны, и гарантирующий рабочее место с определенным уровнем дохода и набором социальных гарантий — с другой. Под давлением перемен конца 1980-х — начала 1990-х годов этот институциональный комплекс трансформировался. Промышленные предприятия стали полноценными субъектами капиталистической экономической жизни своих городов со всеми вытекающими последствиями, в том числе свертыванием программ взаимодействия с городом и учреждениями профессионального образования. Снижение спроса или падение цен стало определять рыночную судьбу градообразующих предприятий — рост или падение прибыли, слияния и поглощения, технологические инновации и многое другое. Их позиции в моногородском пространстве стали «ненадежными», градообразующее предприятие перестало быть источником стабильности и определенности.

Образовательные учреждения тоже приспособились к рыночным реалиям, открывая новые направления подготовки,

не всегда связанные с запросами градообразующих предприятий. Государство поддерживает работу техникумов и колледжей, ежегодно выделяя бюджетное финансирование и обеспечивая тем самым молодым жителям моногородов возможность повысить свой стартовый капитал и фактически способствуя их исходящей мобильности. И предприятия, и учебные заведения продвигают «мультискиллинг» — освоение нескольких профессий или специальностей:

Учась на одной специальности, можно освоить еще и другую специальность. Посещать курсы <...> некоторые студенты выбирают и платную подготовку, не обязательно у нас в техникуме, параллельно обучаются, параллельно работают. И в стенах нашего политехникума дополнительные курсы организованы, смежные профессии, например, если ты учишься на автомеханика, то сварка тебе точно не помешает (ПЖЗ8).

Как сказал в интервью один из экспертов, «людям проще поехать учиться в любой крупный город, чем остаться в колледже учиться на тракториста или сварщика» (ДМ37). Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, учреждения среднего профессионального образования готовят необходимые кадры для рынка труда, тем самым закрепляя их в моногороде, а с другой — обеспечивают молодых людей потенциалом пространственной мобильности, «выталкивая» их из города в более крупные населенные пункты.

Сегодня система профессионального образования не решает проблему исходящей мобильности в моногородах, а колледжи и техникумы даже не рассматриваются как точки роста, в отличие от вузов. Тем не менее в ходе исследования мы выявили разные варианты решения задачи усилить привязку колледжа к деятельности городских, прежде всего градообразующих, предприятий.

**4. Решение:
дуальное
образование
для колледжей**

Модель дуального образования, при которой студенты СПО проходят теоретическое обучение на традиционных образовательных площадках, а практические навыки приобретают на производственных, особенно хорошо себя зарекомендовала в Германии в период кризиса 2008–2012 гг. и с тех пор превратилась в основной тренд среднего профессионального образования [Дудырев, Романова, Травкин, 2019; Дудырев, Романова, Шабалин, 2018]. Для этой модели характерно, во-первых, совмещение образовательной и производственной деятельности в процессе подготовки рабочих кадров, а во-вторых, создание институциональных условий для взаимодействия между систе-

мой СПО и производством [Дудырев, Романова, Шабалин, 2018]. В моногороде реализация этой модели имеет свои особенности.

Практика дуального образования не получила в России повсеместного распространения, из обследованных городов она внедрена только в Первоуральске.

По инициативе Первоуральского новотрубного завода и Группы ЧТПЗ (Челябинский трубопрокатный завод) в 2017 г. учреждена автономная некоммерческая организация «Институт развития дуального образования». Далее в «рамках совместных инициатив Группы ЧТПЗ, Агентства стратегических инициатив, Министерства просвещения и Правительства Свердловской области в 2018 г. на экономическом форуме в г. Сочи было подписано Соглашение о реализации федерального эксперимента по созданию эффективного механизма управления — Управляющей компании на базе АНО «Институт развития дуального образования» (ИРДО)³. Первоуральский металлургический колледж стал экспериментальной площадкой по внедрению принципа дуального образования в систему СПО Свердловской области.

Эту программу можно рассматривать как новый вариант глубокой интеграции СПО и градообразующих предприятий. Цель — подготовить грамотных специалистов, соответствующих современным требованиям высокотехнологичного производства и погруженных в корпоративную культуру⁴. Эта интеграция производит впечатление взятия под управление образовательных учреждений при сохранении государственного финансирования. При такой конфигурации взаимодействий работодатели получают подготовленные кадры, образовательные учреждения — стабильный заказ на подготовку кадров, а молодые люди — ясную перспективу занятости и, соответственно, закрепления в городе. Эта модель не является абсолютно новой для профессионального образования. В одном из колледжей Первоуральска прозвучало мнение, что «система <...> дуальности образования <...> была всегда» (ПЖЗ8).

Участница исследования из Первоуральска (сотрудница Первоуральского новотрубного завода, муж которой работает в образовательном центре предприятия) положительно оценивает политику компании:

Это управление по реализации проекта «Будущее белой металлургии». <...> Я считаю, что созданы все условия для учебы.

³ Институт развития дуального образования: <https://pervouralsk.bbmprof.ru/dual-education-development-institute/>

⁴ Институт развития дуального образования: <https://pervouralsk.bbmprof.ru/>

<...> Для того чтобы стать специалистом, у них есть все условия. У них же считается программа дуального образования, то есть больше практики, 60% практики, 40% теории. Там все оборудование установлено. Это здорово. У нас раньше не было таких условий (ПЖ30).

Система дуального образования, таким образом, реконструирует институционально закрепленные каналы социальной и профессиональной мобильности, задает четкую перспективу, предопределяющую выбор молодых людей в моногороде. По данным сплошного опроса 485 студентов и выпускников образовательной программы «Будущее белой металлургии», проведенного в 2017 г., более 2/3 опрошенных готовы работать по специальности и уверены в возможности хорошего трудоустройства, что, видимо, свидетельствует о хорошем качестве образования, однако половина по окончании обучения хотела бы покинуть Первоуральск [Коровина, 2018. С. 55; Банникова, Галиаскарова, 2020. С. 320]. Однако статистика трудоустройства свидетельствует о том, что эти установки вряд ли будут реализованы: среди выпускников учреждений СПО уровень безработицы примерно в 1,5 раза выше среднего по стране, около 40% выпускников работают не по специальности, как правило, занимая «рабочие места, требующие меньшего уровня квалификации и с меньшей зарплатой, чем та, на которую они могли бы рассчитывать» [Дудырев, Романова, Травкин, 2019. С. 121–122, 131]⁵.

Половина первоуральских студентов программы «Будущее белой металлургии» в исследовании Э. Б. Коровиной, сообщившая о желании остаться в своем городе, — это тоже довольно высокий показатель, контрастирующий с результатами опросов школьников, среди которых намеревающихся остаться обычно гораздо меньше. По данным анкетирования, проведенного в 2013–2014 гг. одним из членов нашего авторского коллектива, только 21% опрошенных старшеклассников Ревды рассчитывают остаться в своем городе или вернуться в него после получения образования, а в Краснотурьинске и Нижнем Тагиле таких лишь 8% [Вандышев, 2014. С. 121–123].

**5. Решение:
целевое обучение
для вузов**

Целевое обучение в вузах предполагает подготовку специалиста по заказу конкретного предприятия или организации: будущий работодатель берет на себя оплату обучения студента,

---

⁵ В статье [Захарова и др., 2020. С. 236–237] в незакавыченной, но дословной цитате из [Дудырев, Романова, Травкин, 2019] 40% почему-то превратились в 70%.

но при этом полагаются на образовательные программы, существующие в учреждении. Такая форма взаимодействия является гарантией не только пополнения кадрового состава предприятия, но и сохранения населения города и встречается во всех городах исследования. Заказчиком подготовки «целевика» может выступать как муниципалитет, если речь идет об обучении, например, врачей, так и градообразующее предприятие исходя из своих перспективных потребностей.

Будущее Краснотурьинска на сегодняшний момент только есть в Богословском алюминиевом заводе, у которого есть программа развития до 2050 года. И мы сохранили филиал УрФУ и набрали уже 15 человек конкретно по целевому набору. То есть РУСАЛ за них платит, чтобы через пять лет их трудоустроить на Богословском алюминиевом заводе (КрМ47).

Мы медика обучаем сейчас, он вернется к нам по программе моногородов, и одну девочку по хоровому вокалу в Институте современного искусства в Москве за счет бюджетных денег, нашего местного бюджета. Вот она через четыре года к нам вернется в музыкальную школу и будет здесь пять лет работать. Надеемся, что забеременеет, там родит и останется. То есть корни пустит, как это называется (ДМ37).

В Ревде один из руководителей города задается вопросом: «Чем мы надеемся оставлять в городе молодежь, которая тоже смотрит и сравнивает?» и тут же формулирует ответ:

Тех, в ком они заинтересованы... Вот Среднеуральский медеплавильный завод имеет целые программы по целевому обучению своих специалистов среднего ИТР-звена <...> из городов, где есть присутствие компании, идут целевые наборы, отбираются лучшие, которые могут выдержать именно практически применяемые знания. То есть там учат практиков — не теоретиков, а практиков. И в рамках этих курсов, в рамках этих целевых программ обучения предприятия получают себе квалифицированные кадры, которые адаптированы уже для работы на конкретном предприятии (РМ43).

Такая форма подготовки специалистов выгодна и вузам, поскольку они развивают отношения с работодателями, оставаясь автономными и не теряя полностью контроля над образовательным процессом.

В Краснотурьинске, приложив усилия к сохранению филиала вуза, завод сделал ставку на целевое обучение: для предприятия это определенная гарантия возврата инвестиций

в поддержку образования, для студентов — возможность трудоустройства по специальности.

Принято решение о том, что эти курсы будут коммерциализированы, то есть с точки зрения предприятия и компании мы будем оплачивать им, подписывать договора с гарантированным трудоустройством — ну, обязанностью этих детишек пять лет работать у нас на предприятии. Ну, а дальше они будут определяться, безусловно, сами, в свободной стране живем (КрМ50).

Именно эти тезисы подкрепляют своими исследованиями ряд специалистов [Дудырев, Романова, Травкин, 2019].

В результате предприятие и вуз (филиал) остаются самостоятельными субъектами, не происходит системного объединения ресурсов. Предприятие как заказчик может только ограниченно влиять на дизайн образовательных программ. Так помогает ли целевое обучение остановить депопуляцию в моногородах? Сам по себе, как мы уже установили, конечно, нет. Напротив, получение образования «значительно повышает миграционный потенциал выпускников» [Вандышев, 2014. С. 123].

6. Вуз и моногород: уйти нельзя остаться

Систему профессионального образования, представленную колледжами, а иногда и филиалами вузов, жители города оценивают позитивно: она способствует развитию города, создает его символический капитал. Ценным представляется, например, опыт Краснотурьинска, в котором имеются признаки выполнения вузом градообразующей функции: в народной топонимике за частью городского пространства здесь прочно закрепилось название «УПИ» — это филиал бывшего Уральского политехнического института. В 2010 г. УПИ преобразован в федеральный университет — УрФУ, год спустя к нему присоединен классический университет — УрГУ, но на краснотурьинцев это никак не повлияло, место вокруг этого здания по-прежнему называют «УПИ». Инерция вернакулярных топонимов не только законсервировала уже не существующее название вуза и типа учебных заведений — втузы, но и напоминает о значимости политехнического образования на Урале и специфике местного производства. Когда-то градообразующим предприятием был Богословский алюминиевый завод, он сохранился и до нашего времени, но объемы производства сегодня существенно сокращены, остаются еще добывающие предприятия и филиал «Газпрома». Значительная часть мужского населения работает вахтовым методом в других регионах страны. Тем не менее филиал УрФУ продолжает существовать.

В конце интервью мы просили информантов нарисовать свой город, и один из представителей администрации Красноуральска изобразил его в такой последовательности:

Вот у нас здание УПИ. Вот у нас ДК «БАЗа». Вот у нас улица Ленина центральная. Вот здесь вот центральная площадь. У нас дорога идет вот сюда, у нас такое радиальное исполнение, да. Вот здесь у нас идет набережная. Вот здесь у нас Парк влюбленных, вот так вот сердечко нарисую. И пошла набережная вот так вот у нас по реке. Вот сейчас мы реконструкцию здесь делаем... (КрМ47).

Информант не комментировал, что значит «здание УПИ», он больше внимания уделил недавно отстроенному Парку влюбленных, тем не менее УПИ в качестве стартовой точки очень информативно. Дело в том, что весной 2018 г. краснотурьинский филиал УрФУ находился на грани закрытия, однако городские власти, объединившись с руководством градообразующего предприятия, «на последнем издыхании», по словам директора градообразующего завода, «ухватились за филиал УрФУ» и сумели его отстоять, это произошло буквально накануне нашего полевого исследования в июне 2018 г.⁶

Их действия вполне согласуются с выводами ученых относительно жизненной необходимости вуза для города: наличие «университетов или сильных вузовских филиалов — это всегда символ престижности городов, возможность повышения их привлекательности для молодежи и населения в целом» [Зборовский, Амбарова, 2018. С. 922]. Другое дело, что краснотурьинский филиал к тому времени уже не относился к категории сильных. Позиция информантов — первых лиц города учитывает и второй принципиальный тезис исследователей: «основная задача вуза в городе — подготовка кадров для предприятия, а также „удержание“ молодежи» [Романенко и др., 2018. С. 120]. Они едины в убеждении, что сохранение высшего образования жизненно необходимо для Красноуральска, но при этом закономерным образом акцентируют в одном случае интересы города, в другом — потребности предприятия.

Так, в мэрии говорят прежде всего о городе с его традициями:

Я считаю, если из территории уходит высшее образование, потихоньку территория начинает умирать (КрЖ39).

⁶ О благополучном развитии событий год спустя см.: Зименс О. Успешность начинается с УрФУ // Заря Урала. 26.06.2019. <https://smizu.ru/успешность-начинается-с-урфу/>

В обоснование этого вывода наша собеседница приводит следующие доводы:

Четыре или пять лет, проведенных в стенах вуза в другой территории, создают, соответственно, ту социальную среду, в которой человек себя чувствует комфортно. Он находит друзей, он находит общение, он в принципе к этому времени подбирает уже место работы. И вернуться потом домой очень сложно, чтоб вот так вот бросить то, что ты там пять лет, допустим, созидал.

...поэтому для нас очень ключевым и важным все-таки является сохранение здесь высшего образования, это привлечение интеллектуальной молодежи, грамотной. То есть это сохранение вот той среды, которая в Краснотурьинске в свое время сложилась. Потому что сюда в основном съезжались специалисты высокого уровня и сформировалась интеллигенция (КрЖ39).

На наш взгляд, в эпоху мобильности бессмысленно говорить об «удержании» и «закреплении», во всяком случае непродуктивно сводить к этому молодежную и образовательную политику. Уезжают не только из маленьких городов. И дело не в том, откуда уезжают, а в том, куда приезжают, — следует заботиться о привлекательности города, и образование может играть существенную роль в повышении его статуса. Этот тезис проговаривается не только в Краснотурьинске, но и в Далматове. Представитель администрации города объясняет:

Почему, допустим, в городе Далматово нет «Сабвея», «МакДоналдса» или «Бургер Кинга»? А потому, что для чего, для кого? То есть спрос рождает предложение. А если такого количества молодежи нет, если у нас нет высшего учебного заведения, и так далее... То есть у нас либо школьники, либо сразу работающие, вот этой золотой середины нету. Почему и бьемся, чтобы колледж-то не закрылся. <...> Я сколько раз замечал: чем больше учебных заведений, тем быстрее развивается город (ДМ37).

Информанты сравнивают свои города не только с более крупными, но и с более мелкими поселениями, как правило, находящимися поблизости: в сопоставлении с ними изучаемые города обычно выигрывают. Учреждения СПО и (там, где они сохранились) филиалы вузов служат фактором притяжения и вероятным драйвером развития территорий. Наше исследование показывает, во-первых, что играют роль не только вузы, но и учреждения СПО, во-вторых, что город — обладатель тако-

го образовательного ресурса может быть сколь угодно маленьким: единственный колледж⁷ 12-тысячного Далматова уверенно собирает студентов из Красноисетского и других окрестных поселений, а в колледжи Ревды едут учиться не только из не процветающего маленького Дегтярска, но и из более крупного и успешного Первоуральска, несмотря на близость Екатеринбурга.

7. Биографическое решение системных противоречий⁸

Ярким примером связей, которые возникают у человека с городом, в котором он получал образование, служит биография Аллы⁹, участницы исследования родом из Североуральска, которая после школы поступила в Краснотурьинский филиал УрФУ. Североуральск — моногород, вдвое меньший по численности населения, чем Краснотурьинск, находится в 60 км от него — это намного ближе, чем до Екатеринбурга с головным вузом. Согласно принятой образовательной схеме первые два года Алла проучилась в филиале, снимая жилье, вполне доступное для студентки. Следующие три года продолжила обучение в Екатеринбурге, работая по получаемой специальности, однако мечтала вернуться в Краснотурьинск, что и сделала по окончании университета.

Чем привлекательна такая схема и зачем вообще нужны филиалы, почему не учиться с первого курса в Екатеринбурге? На наш взгляд, решающую роль играет плотная вписанность небольших городов в местные условия, позволяющая в случае переезда из одного пункта в другой использовать накопленную локальную компетентность [Веселкова, 2011]. Более радикальная мобильность чревата необходимостью серьезной адаптации: навыки жизни в маленьком городе не подходят для большого, многое в социальной компетентности приходится выработать заново. Краснотурьинск оказался для Аллы зоной комфорта, поскольку не просто находится близко от родного города, но и сходен с ним по типу поселения, образу жизни. Вспоминая то время, когда она приехала в Краснотурьинск поступать в университет, Алла объясняет:

⁷ Точнее, филиал Курганского технологического колледжа им. Н. Я. Анфиногенова.

⁸ Выражение У. Бека, которое многократно обыгрывает и развивает З. Бауман [2002]. В русском переводе *how one lives becomes the biographical solution of systemic contradictions* важное слово «решение» потерялось: «Образ жизни становится в таких условиях биографическим снятием системных противоречий» [Бек, 2000].

⁹ Имя изменено.

Это было не так удаленно, как Екатеринбург, от места проживания моих родителей. За то время, два года, пока я здесь проходила обучение, ну, влюбилась просто в Красноуральск. Мне хотелось здесь жить, создавать семью. То есть все для моих ожиданий, моей социализации в этом городе — было все достаточно (КрЖЗ6).

Существенным для Аллы было и то, что Красноуральск выгодно отличается от Североуральска возможностями рынка труда:

В любое направление подайся — можно себя найти. Тем более, имея высшее образование, не составило труда трудоустроиться (КрЖЗ6).

В нем развита социальная, культурная и бытовая инфраструктура, в том числе для детей (на момент интервью в семье было двое детей — дошкольного и школьного возраста):

Мы семейно участвуем в спортивных мероприятиях, то есть со своей семьей и детьми тоже в каких-то конкурсах разных, дети участвуют очень. В художественной школе одна учится, в танцевальной школе — другая (КрЖЗ6).

Случай Аллы продуктивно анализировать в качестве модельной биографии жителя моногорода, точнее одного из типов таких биографий. Модельная биография — понятие, близкое к двум недавно появившимся концептам, вводимым в российский научный оборот В. В. Нурковой: «культурный концепт биографии» С. Блак и Т. Хабермаса [Bluck, Habermas, 2000] и «культурный жизненный сценарий» (КЖС) Д. Бернтсен и Д. Рубина. КЖС — это «культурно обусловленное семантическое знание об ожидаемом в конкретный социально-исторический период событийном составе человеческой жизни, включающее в себя нормативное распределение событий во времени, а также оценку их значимости, валентности и частотности» [Berntsen, Rubin, 2004] (цит. по: [Нуркова, 2018. С. 57]).

В социологической перспективе КЖС важен как разделяемый той или иной социальной группой образец строительства жизни — разновидность дюркгеймовских коллективных представлений. В. В. Нуркова подчеркивает ценностно-нормативную сторону КЖС, служащего «регуляции поведения человека в масштабе крайне продолжительных интервалов времени» [Там же]. Нам бы, однако, хотелось обратить внимание не только на регулятивный, но и на дискурсивный аспект: сама метафора сценария красноречиво намекает на то, что это не только руководство к действию или, по Нурковой, «инструкция по при-

менению», но и образец рассказа — мысленного схватывания, придания смысла и упорядоченного изложения.

История Аллы показательна в отношении того, какую роль в статусной и географической мобильности играет система образования вкупе с устройством и потенциалом всей городской среды. Во время учебы в Краснотурьинске Алла познакомилась со своим будущим мужем, который работал на градообразующем предприятии и хорошо зарабатывал, — это событие сыграло немалую роль в ее решении, однако исходной и решающей поворотной точкой стала ее «влюбленность» в Краснотурьинск.

В какой-то момент интервью, однако, положительные оценки Краснотурьинска в рассказе Аллы начинают казаться слишком настойчивыми — как если бы она была вынуждена оправдываться в своем выборе этого города. Эта интонация «оправдания» делает более различимым разлом в структуре неравенства городов. Не только масштабы оттока населения из маленьких поселений в более крупные, но и определенные дискурсы, идеологии (жизненного успеха, мобильности) превращают это явление из статистической нормы в норму-образец: дескать, вот как действуют обладающие хоть каким-то потенциалом люди, остаются одни неудачники.

Несколько раз в рассказе Аллы звучит, что этот город «был и остается сегодня комфортным для проживания». В понятие комфорта входит отсутствие «загруженности дорог, как это в Екатеринбурге», упомянутые выше возможности трудоустройства и семейной социализации.

Таким образом, притягательная сила учреждений образования реализуется в совокупности со всей городской средой.

Молодежь ищет в первую очередь... Когда они еще только закончили школу, они не думают о работе, о детях, о доме, о семье, им это все неинтересно. Им хочется движения, им хочется интересных каких-то событий, зрелищ, хочется чувствовать себя в гуще тусовки и так далее. Вот если мы над этим еще немножко поработаем, возможно, будут еще задерживаться (КрЖ39).

Однако не всегда среда помогает, она может производить и обратный эффект, такой тип оценки и освоения городского пространства представляют студенты ревдинских колледжей, которые ездят на учебу из соседнего Первоуральска (Ревду и Первоуральск разделяют 20 км). И транспортное сообщение, и сама Ревда получают негативные отзывы, на ментальных картах студенты отмечают только колледж, все остальные места их обитания находятся в Первоуральске и других территориях за пределами Ревды.

8. Заключение Потоки исходящей из моногородов мобильности не генерируются только биографическими решениями молодых людей. Действия активаторов мобильности в небольших городах явно разнонаправлены [Веселкова и др., 2019]. Исходящая мобильность поддерживается дискурсом, объединяющим разные поколения и выражающимся в ключевой фразе «больше город — больше возможностей». Такому настрою по факту противостоят усилия городских властей, менеджмента градообразующих предприятий и образовательных учреждений.

В ходе исследования мы неоднократно сталкивались с жизнеописаниями людей, приехавших или вернувшихся жить и работать в небольшой город, хорошо иллюстрирующими значение учреждений образования как зоны притяжения. В равной степени образование работает и на исходящую мобильность: полученные ресурсы позволяют двигаться дальше. Образование задает символический капитал территории, повышает престиж, но не выступает напрямую как основание для решения — уехать или остаться.

Очевидно, в мобильном обществе нет смысла бороться с исходящей мобильностью, считать ее отклонением. Рассчитывать на то, что завершающая свое образование как в школах, так и в колледжах молодежь станет драйвером развития территории моногорода, не приходится. Понадобится перенастройка оптики, всего управленческого словаря: не удерживать и закреплять, а привлекать, не только тех, кто здесь родился и здесь же пригодился, но всех. Образование в таком случае может стать центром притяжения, той самой креативной основой проработки возможных инициатив, связанных, например, с реализацией концепции индустриального парка, как в Краснотурьинске.

Можно ли вообще говорить о модели профессионального образования, способной не только продуцировать исходящую мобильность, что, наверное, неизбежно в современных условиях, но и работать на развитие территории? Ценность того или иного учреждения образования сегодня определяется преимущественно количественными показателями. В рассматриваемом контексте продуктивнее использовать качественные характеристики: например, что может дать учреждение образования территории, каких уникальных специалистов подготовить? Планирование взаимодействия бизнеса, образования и городской власти должно быть частью стратегии развития города, а не только результатом решений тех или иных министерств.

В настоящее время осуществляется поиск новых вариантов институционального взаимодействия бизнеса и образования. Целевое обучение обеспечивает связь между работодателем

и будущим работником, студентом вуза, а в случае дуального образования ключевыми становятся отношения между работодателями и колледжами. Последние глубоко интегрируются в производственный процесс конкретного предприятия. Если целевое образование — это заданная траектория мобильности, закрепляющая молодого человека на определенном рабочем месте в определенном городе, то концепция дуального образования оставляет пространство выбора. Наиболее перспективной можно считать концепцию дуального образования, но она требует больших затрат.

Институциональное взаимодействие учреждений профессионального образования разного уровня и работодателей способно оказывать существенное влияние на развитие моногорода. Среднее и высшее профессиональное образование обеспечивает воспроизводство его социальной структуры. Наличие учреждений высшего профессионального образования способно не только удерживать молодых людей (а их отсутствие, соответственно, выталкивать), но и генерировать социальный и символический капитал, необходимый для развития моногорода. Вузы могут способствовать избавлению от «мононости» за счет организации новых индустрий, тем самым задавая перспективы, в том числе и за счет подготовки высококвалифицированных кадров, связанных с территорией и заинтересованных в ее развитии. В то же время вузы могут сохранять «мононость», прежде всего в ситуации успешной работы градообразующего предприятия и если территории это выгодно. Взаимодействие колледжей и градообразующих предприятий не только задает ясную перспективу последним (конечно, наличие персонала — не единственный необходимый ресурс для успешного существования), но и может укреплять монозависимость города. Техникумы тоже выполняют двойную функцию: они способны, во-первых, выступать транзитными станциями, а во-вторых, привлекать молодых людей из других, как правило более мелких, поселений. Разнонаправленное воздействие института профессионального образования производит специфический комплекс моногородской мобильности, связывающей биографию индивида и конкретного города.

*Исследовательский проект «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля»
поддержан Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ)
№ 18-011-00457, 2018–2020 гг.
Работа опубликована при поддержке Программы университетского
партнерства НИУ ВШЭ.*

Литература

1. Балюшина Ю. Л. (2020) Современный университет в провинциальном городе: проблемы и перспективы развития // С. С. Аванесов, Е. И. Спешилова (ред.) Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Материалы III Международной научной конференции (Великий Новгород, 28–30 августа 2019 г.). Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. С. 344–350. doi:10.34680/visant-2020-344-350.
2. Банникова Л. Н., Галиаскарова К. Р. (2020) Реализация государственной политики поддержки профессиональной подготовки кадров для индустриального моногорода // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы VI Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 г.): в 2 т. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. Т. 1. С. 319–322.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
5. Вандышев М. Н. (2014) Потенциальная мобильность выпускников школ малых и средних городов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (123). С. 114–123. doi:10.14515/monitoring.2014.5.06.
6. Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. (2019) Малые и средние города Урала: индустриальность как судьба // М. Г. Пугачева (ред.) Пути России. Границы политики. Сб. статей XXV Международного симпозиума (Москва, 30–31 марта 2018 г.). М.: Дело. С. 172–187.
7. Веселкова Н. В. (2011) Новые исследования мобильности: совпадающие и не совпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. № 3. С. 50–66.
8. Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В., Данилова А. В. (2019) Повседневная мобильность молодежи в небольших уральских городах // Экономическая социология. Т. 20. № 4. С. 78–113.
9. Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. (2016) Места памяти в молодых городах. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
10. Гермаидзе Г. Е., Обшивалкина Т. А. (2013) О специфике проблем среднего профессионального образования в малом моногороде // Известия УрГЭУ. № 2 (46). С. 105–110.
11. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Травкин П. В. (2019) Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 109–136. doi:10.17323/1814-9545-2019-1-109-136.
12. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Шабалин А. И. (2018) Дуальное обучение в российских регионах: модели, лучшие практики, возможности распространения // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 2. С. 117–138. doi:10.17323/1814-9545-2018-2-117-138.
13. Захарова Л. Н., Шилова Л. Н., Гадбеджи З., Чжу Л. (2020) Организационная культура индустриальных колледжей и предприятий России, Китая и Ирана в оценках студентов и преподавателей // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 3. С. 234–254. doi:10.17323/1814-9545-2020-3-234-254.
14. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. (2018) Высшее образование как фактор сохранения городов в Уральском макрорегионе // Экономика региона. Т. 14. Вып. 3. С. 914–926. doi:10.17059/2018-3-16.
15. Коровина Э. Б. (2018) Оценка реализации новых форм подготовки современных инженерных кадров как направление региональной образовательной политики (магистерская диссертация). Екатеринбург: Уральский

- федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66160/1/m_th_e.b.korovina_2018.pdf
16. Нуркова В. В. (2018) Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // *Международный журнал исследований культуры*. Т. 30. № 1. С. 55–74.
  17. Пунина К. А., Ромашова М. В. (2015) Университет и город: технологии формирования имиджа (случай Перми) // *Лабиринт*. № 2. С. 83–93.
  18. Романенко К. Р., Шибанова Е. Ю., Абалмасова Е. С., Егоров А. А. (2018) Высшее образование в моногородах: организационные форматы, практики, вызовы // *Университетское управление: практика и анализ*. Т. 22. № 4. С. 110–125. doi:10.15826/umpra.2018.04.044.
  19. Санникова О. В. (2015) Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // *Теория и практика общественного развития*. № 24. С. 19–21.
  20. Стась И. Н. (2018) Университет как фактор развития городской среды: современные подходы (случай Сургутского государственного университета) // *Северный регион: наука, образование, культура*. № 3. С. 23–27.
  21. Урри Дж. (2012) *Мобильности*. М.: Праксис.
  22. Флигстин Н. (2001) Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология*. Т. 2. № 4. С. 28–55.
  23. Berntsen D., Rubin D. C. (2004) Cultural Life Scripts Structure Recall from Autobiographical Memory // *Memory & Cognition*. Vol. 32. No 3. P. 427–442. doi:10.3758/BF03195836.
  24. Bluck S., Habermas T. (2000) The Life Story Schema // *Motivation and Emotion*. Vol. 24. No 2. P. 121–147. doi:10.1023/A:1005615331901.
  25. Sorokin P. (1959) *Social and Cultural Mobility*. Boston: Free Press.

References

- Balyushina Yu. (2020) *Sovremenny universitet v provintsial'nom gorode: problemy i perspektivy razvitiya* [Modern University in a Provincial City: Problems and Prospects of Development]. Proceedings of the *III International Scientific Conference "Visual Anthropology—2019. City-University: Living Space and Visual Environment" (Veliky Novgorod, 2019, August, 28–30)* (eds S. S. Avanesov, E. I. Speshilova), Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, pp. 344–350. doi:10.34680/visant-2020-344-350.
- Bannikova L. N., Galiaskarova K. R. (2020) *Realizatsiya gosudarstvennoy politiki podderzhki professional'noy podgotovki kadrov dlya industrial'nogo monogoroda* [Implementation of State Policy of Support of Professional Training for Industrial City]. Proceedings of the *VI International Scientific and Practical Conference "Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories" (Yekaterinburg, 2020, April, 27–28): in 2 vols*, Yekaterinburg: Ural Federal University, vol. 1, pp. 319–322.
- Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society. Polity]. Moscow: Logos.
- Beck U. (1999) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [World Risk Society. Cambridge]. Moscow: Logos.
- Berntsen D., Rubin D. C. (2004) Cultural Life Scripts Structure Recall from Autobiographical Memory. *Memory & Cognition*, vol. 32, no 3, pp. 427–442. doi:10.3758/BF03195836.
- Bluck S., Habermas T. (2000) The Life Story Schema. *Motivation and Emotion*, vol. 24, no 2, pp. 121–147. doi:10.1023/A:1005615331901.
- Dudyrev F., Romanova O., Travkin P. (2019) *Trudoustroystvo vypusnikov sistemy srednego professional'nogo obrazovaniya: vse eshche omut ili uzhe*

- brod [Employment of Vocational Graduates: Still a Slough or Already a Ford?]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 109–136. doi:10.17323/1814-9545-2019-1-109-136.
- Dudyrev F., Romanova O., Shabalin A. (2018) Dual'noe obuchenie v rossiyskikh regionakh: modeli, luchshie praktiki, vozmozhnosti rasprostraneniya [Dual Education in Regions of Russia: Models, Best Practices, Growth Prospects]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 117–138. doi:10.17323/1814-9545-2018-2-117-138.
- Fligstein N. (2001) Polya, vlast' u sotsial'nye navyki: kriticheskiy analiz novykh institutsional'nykh techeniy [Fields, Power and Social Skill: a Critical Analysis of the New Institutionalisms]. *Economic Sociology*, vol. 2, no 4, pp. 28–55.
- Germaidze G. Ye., Obshivalkina T. A. (2013) O spetsifike problem srednego professionalnogo obrazovaniya v malom monogorode [On the Specifics of the Problems of Secondary Vocational Education in Small Single-Industry Towns]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no 2 (46), pp. 105–110.
- Korovina E. B. (2018) *Otsenka realizatsii novykh form podgotovki sovremennykh inzhenernykh kadrov kak napravlenie regional'noy obrazovatel'noy politiki (magisterskaya dissertatsiya)* [Evaluation of the Implementation of New Forms of Training of Modern Engineering Personnel as a Direction of Regional Educational Policy] (Magister Thesis). Yekaterinburg: Ural Federal University. Available at: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/66160/1/m_th_e.b.korovina_2018.pdf (accessed 20 June 2021).
- Nourkova V. V. (2018) Zhisn' — instruktsiya po primeneniyu: resul'taty graficheskoy eksplikatsii Kul'turnogo Zhiznennogo Stsenariya [Life — Instructions for Use: The Results of Graphical Exploration of a Cultural Life Script]. *International Journal of Cultural Research*, vol. 30, no 1, pp. 55–74.
- Punina K., Romashova M. (2015) Universitet i gorod: tekhnologii formirovaniya imidzha (sluchay Permi) [The University and the City: Image Formation Technologies]. *Labyrinth*, no 2, pp. 83–93.
- Romanenko K. R., Shibanova E. Yu., Abalmasova E. S., Egorov A. A. (2018) Vyshee obrazovanie v monogorodakh: organizatsionnye formaty, praktiki, vyzovy [Higher Education in Single-Industry Towns: Models, Practices, Challenges]. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 22, no 4, pp. 110–125. doi:10.15826/umpa.2018.04.044.
- Sannikova O. V. (2015) Nekompensiruemaya obrazovatel'naya migratsiya kak problema razvitiya rossiyskogo regiona [Uncompensated Educational Migration as a Problem of Development of a Russian Region]. *Theory and Practice of Social Development*, no 24, pp. 19–21.
- Sorokin P. (1959) *Social and Cultural Mobility*. Boston: Free Press.
- Stas I. N. (2018) Universitet kak faktor razvitiya gorodskoy sredy: sovremennye podkhody (sluchay Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta) [University as Factor of Development of the Urban Environment: Modern Approaches (The Case of Surgut State University)]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*, no 3, pp. 23–27.
- Urry J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis.
- Vandysh M. N. (2014) Potentsial'naya mobil'nost' vypusknikov shkol malykh i srednikh gorodov Sverdlovskoy oblasti [Potential Mobility of School Graduates in Small and Average Cities in the Sverdlovsk Region]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no 5 (123), pp. 114–123. doi:10.14515/monitoring.2014.5.06.
- Vandysh M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. (2019) Malye i srednie goroda Urals: industrial'nost' kak sud'ba [Small and Medium-Sized Cities of the Urals: Industriality as Fate]. Proceedings of the XXV *International Symposium "The Ways of Russia. Boundaries of Politics"* (Moscow, 2018, March, 30–31), (ed. M. G. Pugacheva), Moscow: Delo, pp. 172–187.

- Veselkova N. V. (2011) Novye issledovaniya mobilnosti: sovpadayushchie i ne sovpadayushchie potoki i sotsial'naya kompetentnost' [New Mobilities Research: Co- and Counter Flows and Social Competence]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii / The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no 3, pp. 50–66.
- Veselkova N. V., Pryamikova E. V., Vandyshev M. N. (2016) *Mesta pamyati v molodykh gorodakh* [Places of Memory in Young Cities]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
- Veselkova N. V., Vandyshev M. N., Pryamikova E. V., Danilova A. V. (2019) Povsednevnyaya mobil'nost' molodyozhi v nebol'shikh ural'skikh gorodakh [Everyday Mobility of Youth in Small Ural Cities]. *Economic Sociology*, vol. 20, no 4, pp. 78–113.
- Zakharova L., Shilova L., Gadbedji Z., Zhu L. (2020) Organizatsionnaya kul'tura industrial'nykh kolledzhey i predpriyatiy Rossii, Kitaya i Irana v otsenkakh studentov i prepodavateley [Organizational Cultures of Vocational Schools and Enterprises in Russia, China and Iran as Perceived by Students and Teachers]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 234–254. doi:10.17323/1814-9545-2020-3-234-254.
- Zborovskiy G. E., Ambarova P. A. (2018) Vysshee obrazovanie kak factor sokhraneniya gorodov v Ural'skom makroregione [Higher Education as a Factor of the Cities' Preservation in the Ural Macro-Region]. *Economy of Region*, vol. 14, iss. 3, pp. 914–926. doi:10.17059/2018-3-16.